

Хозяйственный быт калмыков на рыболовных промыслах во второй половине XIX в.

Occupational and Household Activities of the Kalmyks at Fisheries in the Second half of the 19th Century

*В. В. Батыров (V. Batyrov)*¹

¹ кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

Ph.D. in History (Candidate of Historical Sciences), Head of Department of Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

Аннотация. В статье исследуется специфика хозяйственного быта калмыков, занимавшихся наймом на рыболовных промыслах. Рыбная ловля как вспомогательная отрасль хозяйства всегда присутствовала у калмыков, но ее развитие во второй половине XIX в. во многом обусловлено социально-экономическими процессами, в ходе которых часть семей калмыков-скотоводов подверглась разорению. Отходничество на рыбные промыслы вызвало изменения в материальной культуре калмыков. Также проанализированы основные условия их проживания. Особый интерес представляют вопросы, касающиеся формирования профессиональных навыков бывших кочевников на рыбных промыслах, роли питания в адаптации калмыцких отходников. Так, к концу XIX в. калмыки стали одними из основных работников на промыслах Астраханской губернии. Занимаясь самым низкооплачиваемым и непрофессиональным трудом неводных рабочих, калмыки достигли вершин совершенства в не свойственном им промысле. В последующие годы при найме рабочих рыбопромышленники стали отдавать предпочтение именно калмыкам за их неутомимость и неприхотливость.

Ключевые слова: история Калмыкии, отходничество, рыбные промыслы, хозяйственный быт, материальная культура.

Abstract. The article studies the specific features of working and household activities of the Kalmyks employed at fisheries. As an auxiliary sector of economy, fishing has always been present among the Kalmyks, but those were social and economic processes accompanied by impoverishment of some Kalmyk herdsmen that largely determined its development in the latter part of the 19th century. The seasonal engagement in fishing resulted in changes of the material culture of the Kalmyks. Their basic living conditions have also been analyzed. Of special interest are the issues related to formation of professional skills of ex-nomads at fisheries, the role of food in the adaptation of the Kalmyk seasonal workers. Thus, by the late 19th century a large part of the manpower at fisheries of Astrakhan Governorate were ethnic Kalmyks. Engaged in the most low-wage and unskilled work of seine fishing, the Kalmyks achieved the pinnacle in an irrelevant industry. In subsequent years, those were Kalmyks — due to their tirelessness

and unpretentiousness — that would be given preference to by fish dealers when they employed workers.

Keywords: history of Kalmykia, seasonal work, fisheries, occupational and household activities, material culture.

Хозяйственный быт калмыков-скотоводов являлся типичным для подавляющего большинства населения Калмыцкой степи вплоть до начала XX в. Однако с конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. периодически повторявшиеся тяжелые зимы ускорили процесс массового разорения скотоводов. Разоряясь, они вынуждены были обращаться к найму на рыболовные промыслы. В конце XVIII и начале XIX в. отходничество на рыбные промыслы стало приобретать все более важное значение в калмыцком хозяйстве. Как писал К. И. Костенков, калмыки стали массово наниматься на рыбные промыслы после 1798 г., когда «чрезвычайная гибель скота лишила калмыков всяких средств к существованию» [Костенков 1868: 141]. С 1840-х гг. центром найма на рыбные ловли стал так называемый Калмыцкий Базар, расположенный недалеко от г. Астрахани. Обедневшие калмыки стекались из разных улусов в Мочаги, откуда наемщики и поставляли основное количество рабочих рыбных и соляных промыслов.

Одним из первых обратил внимание на факты отходничества на рыболовные промыслы калмыков И. А. Житецкий [1991: 56]. В дальнейшем большую роль в изучении роли калмыков в развитии рыболовных промыслов сыграли исследования К. И. Костенкова [Костенков 1868]. В советский период рыболовство стало предметом изучения У. Э. Эрдниева [1980] и А. И. Наберухина [1987]. В последующие годы исследования были продолжены такими учеными, как А. Н. Команджаев [1999].

С середины XIX в. число калмыков, уходивших на рыболовные ватаги, достигало по официальным данным 9 000 чел. В 1863 г. К. И. Костенков указывал, что количество калмыков, занятых на рыбных промыслах, составляло примерно 6 000 чел. При этом он подчеркивал, что и эти количественные данные нуждаются в пересмотре, поскольку часть калмыков нанималась к рыбопромыш-

ленникам без контракта и без билета. Сам К. И. Костенков считал, что численность калмыков, шедших в наем на рыбные промыслы, составляет более 10 000 чел [Костенков 1868: 144]. Во второй половине XIX в. рыболовство прочно вошло в быт калмыков, о чем свидетельствует активное использование в речи калмыцких названий рыб: судак — *ботаха*, щука — *цурх*, лещ — *цуув*, сазан — *сазн*, севрюга — *цакр*, осетр — *бекр* и т. д.

Во второй половине XIX в. сложилась ситуация, когда часть калмыков добывала себе пропитание всецело наймом на «рыбные ловли». Так, в 1893 г. калмыки кереитова рода, которые ранее проживали в Эркетеневском улусе, сообщали, что: «с давних времен мы с со своими семействами проживаем по бедности, в Мочагах, нанимаясь постоянно в работы на рыболовных промыслах». И желая навсегда остаться на рыбных ловлях и проживая в Мочагах, они подали прошение в Управление калмыцким народом, чтобы их семьи зачислили по переписи 1876 г., из «Степного в Мочажное ведомство» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 51. Л. 1].

К концу XIX в. калмыки стали одними из основных работников на промыслах; они составляли четверть всех рыболовных рабочих Астраханского края. Калмыки составляли 97 % всех неводных рабочих: 6 359 чел. из 6 825 чел. Занимаясь самым низкооплачиваемым и непрофессиональным трудом неводных рабочих, калмыки быстро приобрели навыки в таком не привычном для них промысле. В последующие годы при найме рабочих рыбопромышленники стали отдавать предпочтение именно калмыкам за их неутомимость и неприхотливость. Как писал В. В. Воробьев, «нижневолжские рыбопромышленники считают калмыков лучшими неводными рабочими» [Воробьев 1903: 19].

Во второй половине XIX в. найм калмыков на рыболовные промыслы приобрел устойчивые формы. Так, по данным 1885 г., на рыбные промыслы нанимались в основном жители Яндыко-Мочажного (7 767 чел.), Багацохуровского (147 чел.) улусов и Калмыцкого Базара (1 894 чел.), причем в первую очередь на рыболовные промыслы астраханского купца 1 гильдии А. А. Сапожникова (к нему нанималось 5 344 чел.) и торгового дома братьев Воробьевых

(1 601 чел.). Часть калмыков шла в наем к братьям Хлебниковым, братьям Комовым, купцам Платоновым, купцу Новикову и др. Всего 42 фирмы. Весенняя путина длилась со 2 февраля — с момента вскрытия р. Волги от льда — и по 9 мая, а осенняя путина — с 1 июля по 6 декабря, когда р. Волга начинала покрываться льдом. Также были еще летняя и зимняя путины [Житецкий 1892: 152].

Рыболовные производственные коллективы Астрахани были трех видов: морские ватаги; речные ватаги (оба вида ватаг имели постоянные казармы для неводных рабочих, ледники, амбары и т. д.); «ловецкие станы» — самые мелкие предприятия, которые не имели ледников и амбаров, рабочие жили в шалашах. Поскольку рыболовные «заводы» были устроены по типу мануфактур, где широко применялся труд наемных рабочих, то здесь существовала своя специализация труда. На рыболовных промыслах калмыки делились на две группы: неводные, которые собственно производили лов рыбы, и промысловые (или ватажные), которые участвовали в разделке, посоле, вялении, сушке, выделке клея, в обработке икры, изготовлении посуды для рыбы, охране складов. Калмыки в основном шли в икрянщики (т. е. изготовители икры), жиротопы, клейщики и т. д. Отдельно надо выделить небольшую группу калмыков, которые нанимались на наиболее оплачиваемую работу надзирателей, охранников и т. д., несмотря на существующее негативное отношение к этим специальностям [Ослянников 1856: 8].

Рыбачьи профессии делились на три категории: подрядчики, специалисты рыбного дела (солельщики, неводчики, пятчики), неводные рабочие (самая низшая и низкооплачиваемая профессия). Большей частью калмыки устраивались подрядчиками, носовщиками, неводчиками, пятчиками и простыми рабочими. Неводчики управляли рыболовными снастями, т. е. вымеряли глубину, на которой предстояло ловить рыбу, выпускали невод, контролировали полностью весь процесс «метания» невода. Пятчики (обычно физически самые крепкие рабочие) укрепляли «пятным» колом невод на берегу. Рыбопромышленники нанимали калмыков, «знающих неводную работу не моложе 20 лет и не старше 50-ти лет» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37].

Найм калмыков шел в основном артелями. Большая артель обычно состояла из 70 чел., во главе с подрядчиком, который вел переговоры с купцом от имени артели. Кроме него, в артель входили 5 неводчиков, 5 пятчиков и 60 неводных рабочих. Артель, которая выходила в море, была меньше. В ее состав входили 1 подрядчик, 1 солельщик, 1 неводчик, 1 пятчик, 10 неводных рабочих, 2 кормчих, 13 весельщиков. В артель старались не брать людей старше 50 лет и моложе 18 лет, поскольку они получали плату вдвое меньше. Малая артель состояла из семи человек [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37].

За сутки большая артель должна была сделать по пять *тонь*, т. е. пять раз вытягивать невод. Условия труда были крайне тяжелыми, ночной труд в камышовых плавнях сопровождался постоянными укусами комаров. Зимой невод приходилось тянуть подо льдом, тогда количество тоней сокращалось до двух. Работа продолжалась с 5 часов вечера до 5 часов утра. Днем рабочие занимались починкой сетей. Невод по окончании тяги всегда просушивали и чинили. На один невод полагалось 12–18 рабочих и 2 специалиста: неводчик и пятчик (на судне он заменялся носовщиком). Этот состав назывался «комплект». Ловили рыбу на берегу, на плотках или с лодок «бударок». Если рыбаки находились в море, то все снасти и припасы хранились на специальных плотках. За неисполнение полагался штраф по 15 руб. серебром за каждую пропущенную тоню. Штрафы полагались за неявку на работу: по 60 коп. в день на человека. Пойманную рыбу артель сдавала на промысел. Нередко система штрафов приводила к тому, что артель оставалась еще должна хозяину [Житецкий 1892: 160]. В других случаях рыбопромышленники просто вычитали поденную плату за пропущенный день [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37].

Калмыки получали плату — поденную или в зависимости от выловленной рыбы. Заработок колебался в зависимости от той работы, которую они выполняли на рыбных промыслах. Подрядчики получали от 40 до 65 руб.; носовщики, неводчики, пятчики от 33 до 60 руб.; простые рабочие от 30 до 57 руб. Работа на осенней путине оплачивалась на треть больше. За рыболовный сезон рабочий мог заработать примерно 210 руб. [Житецкий 1892: 160]. Если рабочий

на промыслах заболел и в течении трех дней не выздоравливал, его отправляли домой или в местную больницу. Взамен артель обязывалась заменить его здоровым работником или вернуть деньги. Так же поступали, если рабочий сбегал с промыслов, получив задаток. Расчет производился по окончании лова. П. Небольсин, изучавший условия труда калмыков на рыбных промыслах в 1850 г., пишет, что «забирая у хозяев хлеб и снасть в счет денежной выдачи и в надежде на будущий заработок, калмыки по большей части остаются в недолове и, следовательно, в долгу у хозяина» [Небольсин 1852: 65]. При таком положении дела калмык был вынужден идти к тому же хозяину на следующий год в надежде, что новая путина будет для него более благоприятной, что очень часто приводило лишь к увеличению долга и усилению долговой зависимости от предпринимателя.

Были случаи, когда артель получала хозяйские орудия лова и сдавала рыбу ему же по цене за сотню. Например, судак мерный (т. е. больше 8 фунтов веса) шел по цене 15 руб. за 100 штук, а полумерный (т. е. менее 8 фунтов веса) 7 руб. Лещ, жерих и щука шли по цене 1 руб., а сопа — 1 руб. Чехонь мерная стоила 75 коп., полумерная 25 коп. Сельдь мерная 1 руб. 50 коп., вобла и тарань по 10–15 коп., стерлядь — 5 руб., берж — 2 руб., лосось и белорыбица по 5 коп. за штуку, тюлень 20 коп. за штуку, сазан — 20 коп. за пуд, сом — 70 коп. за пуд. Икра красной рыбы шла по цене 1 руб. 20 коп. за пуд. Иногда заключался договор, когда калмыки доставляли рыбу сразу на астраханский базар («исады») и после ее распродажи вся прибыль делилась пополам с хозяином.

Быт калмыков, их питание на промыслах во многом зависели от самих калмыков. Каждый получал на питание 3 фунта хлеба и 1–4 штуки мелкой рыбы частиковых пород. Лишь некоторые купцы дополнительно отпускали 1 фунт пшена. Отдельно выдавали дрова для приготовления пищи. Например, купец Сапожников на сезон отпускал ржаную муку — 7,5 или 5 пудов, кирпичный чай — 1 доску, в день — 3 фунта печеного хлеба, мелкую рыбу или 2/3 фунта пшена в случае ее отсутствия. Поэтому для приготовления пищи обычно с каждой артелью кочевала одна кибитка-кухня. Обычно

готовила пищу жена одного из рабочих, который за это получал отдельный пай. Будучи постоянно в воде, калмыки одевались в кожаную куртку, «*кожух*», кожаные брюки и кожаные чулки «*бахилы*», на которые надевались кожаные башмаки «*поршни*» [Ослянников 1892: 9].

Выдаваемое продовольствие также разнилось в зависимости от профессии рабочего. Так, неводчик получал «чаю кирпичного по одной доске на человека», пятчик — «муки рожанной 2 пуда 20 фунтов, чаю кирпичного по одной доске», остальные рабочие — «чаю кирпичного по ½ доске, и хлеба печеного по три фунта в сутки на каждого человека» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 38]. Также калмыки могли брать для пропитания «мелкой частиковой рыбой», если же они брали для себя крупную рыбу или раздавали, то рыбопромышленник вычитал с рабочих сумму с украденной рыбы в три раза больше ее стоимости [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37об.].

В качестве специальной одежды каждый рабочий обычно на сезон получал две пары обуви, *поршни*, *вачуги* или *бахилы*. Иногда выдавались и портянки. По окончании контракта всю одежду сдавали, а в случае ее утери или порчи платили штраф. Другие рыбопромышленники выдавали рабочим «по одной паре бахил, по одному полукожану, по одной паре поршон и сукна вачужного на одну пару вачуг в путину на каждого человека» [НАРК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 226. Л. 37об.].

Таким образом, рыбная ловля как вспомогательная отрасль хозяйства всегда присутствовала у калмыков, но ее развитие во второй половине XIX в. во многом обязано социально-экономическим процессам, в ходе которых часть семей калмыков-скотоводов подверглась разорению. Отходничество на рыбные промыслы вызвало изменения в материальной культуре калмыков.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Sources

The National Archives of the Republic of Kalmykia. (In Russ.)

Литература

Воробьев В. В. Астраханские калмыки // Русский антропологический журнал. 1903. № 1. 22 с.

Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Приложения // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892. С. 150–173.

Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Репринтное издание. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 75 с.

Карагодин А. И. Калмыцкий базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.) // Исследование по исторической географии Калмыцкой АССР / Элиста: КНИИФЭ, 1981. С. 31–48.

Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1999. 262 с.

Костенков К. И. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции под начальством К. И. Костенкова. СПб.: В. Безобразов и Комп., 1868. 177 с.

Костенков К. И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: В. Безобразов и Комп., 1868. 169 с.

Наберухин А. И. Калмыкия в трех российских революциях. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.

Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 192 с.

Ослянников С. В. Очерки рыболовства по реке Волге и берегам Каспийского моря: репринтное воспроизведение по журналу М-ва Внутренних Дел, 1856 г. Астрахань: ИПЦ «Факел», ООО «Астраханьгазпром», 2005. (1856). 42 с.

Эрдниева У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 286 с.

References

Erdniev U. E. Kalmyks: Historical and Ethnographic Sketches. 2nd ed. Elista: Kalm. Book Publ., 1980. 286 p. (In Russ.)

Karagodin A. I. Kalmyk Bazaar (from the History of Trade Relations in Kalmykia in the second half of the 18th — first half of the 19th cc. In: A Study on the Historical Geography of the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 31–48. (In Russ.)

Komandzhaev A. N. Economy and Social Relations in Kalmykia at the End of 19th – Beginning of 20th Centuries. Elista: Kalmyk State University, 1999. 262 p. (In Russ.)

Kostenkov K. I. Kalmyk Steppe of Astrakhan Province according to the Research of the Kumo-Manych Expedition led by K. I. Kostenkov. St. Petersburg: Print. shop of V. Bezobrazov and Co., 1868. 177 p. (In Russ.)

Kostenkov K. I. Statistical and Economic Description of the Kalmyk Steppe in Astrakhan Province. St. Petersburg: Print. shop of V. Bezobrazov and Co., 1868. 169 p. (In Russ.)

Naberukhin A. I. Kalmykia in three Russian Revolutions. Elista: Kalm. Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)

Nebolsin P. I. Essays on the Life of Kalmyks of the Khoshout ulus. St. Petersburg: Print. shop of Karl Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)

Osl'yannikov S. V. Essays of Fishing along the Volga River and the Caspian Sea Coast: Reprint Reproduction according to the Journal of Home Ministry, 1856. Astrakhan: Fakel, Astrakhangazprom, 2005. (1856). 42 p. (In Russ.)

Vorobiev V. V. Astrakhan Kalmyks. *Russian Anthropological Journal*. 1903. No. 1. 22 p. (In Russ.)

Zhitetskiy I. A. Astrakhan Kalmyks (Observations and Notes). Annexes. In: Proceedings of Petrov Society of Astrakhan Region Researchers. Astrakhan, 1892. Pp. 150–173. (In Russ.)

Zhitetskiy I. A. Essays on Life of Astrakhan Kalmyks. Reprint edition. Elista: Kalm. Book Publ., 1991. 75 p. (In Russ.)